

Фото Алексея Родика

Степан Захаркевич

историк, этнолог. Кандидат исторических наук, доцент Академического департамента гуманитарных наук и искусств ЕГУ. Научные интересы: традиционная и современная культура Беларуси, ее эволюция и трансформация; история и культура этнических меньшинств Беларуси.

Образ исторического центра Минска в ментальном картографировании минчан

Степан Захаркевич

The Image of the Historical Center of Minsk in the Mental Mapping of Minsk Residents

The article by EHU Associate Professor Stsiapan Zakharkevich is devoted to the study of Minsk historical center's mental image, as well as the features of its modern and historical formation. The core of the study contains mental maps of 51 respondents from different social groups: schoolchildren, students and professional guides. The study shows that the image of the historical center of Minsk is gradually evolving and the understanding of its historicity is growing, but at the same time, Minsk still appears as a city whose history is limited to the 19th century.

Вместо вступления

В Минске, впервые упомянутом в Повести временных лет под 1067 годом, сегодня живет примерно пятая часть населения Беларуси. И все же городу не везет: он явно проигрывает столицам соседних стран соревнование в наследии. В то время, как право на «столичность» Варшавы, Вильнюса, Киева, Риги и Москвы не вызывает вопросов, Минск по исторической событийности и значимости явно вторичен даже на фоне Полоцка, Витебска и Гродно. Даже ставка Верховного главнокомандующего в Первую мировую войну была то в Барановичах, то в Могилеве. В довоенный период БССР столицу и вовсе собирались переносить в Могилев.

Как и в большинстве городов, традиционно под историческим центром Минска понимается старейшая часть города, где сосредоточены храмы, памятники архитектуры разных эпох и стилей, музеи. Однако размытость и гибкость «историчности» этого места подчеркивает даже Википедия: «Исторический центр Минска – это старейшая часть города, включающая в себя «Верхний город», «Троицкое предместье», «Раковское предместье». Многочисленные войны разрушили

исторический центр Минска. После его освобождения продолжают работы по восстановлению города. На территории исторического центра Минска размером в 80 гектаров находится 227 зданий и сооружений общей площадью 3 583 000 м². Эта часть города знаменита своими величественными храмами, памятниками, музеями и архитектурой, в ней можно увидеть главные достопримечательности разных эпох и стилей, таких как классицизм и барокко, модерн. Минск, один из древнейших славянских городов, неоднократно менял свой языковой, конфессиональный, этнический и архитектурный облики» [10].

Как видно, авторы статьи всеми силами пытались легитимировать наличие в столице Беларуси исторического центра, чтобы она не выбивалась из череды других европейских столиц. Между тем, современный Минск практически лишен своего исторического ландшафта XVII–XIX веков. Его образ прочно ассоциируется с советской историей. В силу разных причин основная историческая застройка города была разрушена. В период Российской империи разрушали признаки самоуправления: городскую ратушу и оборонительные постройки. В довоенной БССР ставились эксперименты по созданию образцового советского города, ради чего сносились древние кладбища, расширялись улицы, мостились надгробиями проспекты и менялся ландшафт города (довольно холмистый центр был выровнен). Во время Второй мировой войны Минск подвергся тотальному разрушению, а затем восстанавливался в стиле сталинского ампира с новой планировкой. В 1950–1980-е годы были снесены старые кварталы центральной части (район Немиги), в том числе и крупнейшие сакральные сооружения – Холодная синагога, костел Св. Фомы Аквинского и другие. Стремление построить идеальный советский «город Солнца» уничтожало историческую среду, формировавшую *genius loci* и историческую ауру Минска.

Минск как совокупность жителей также оказался довольно специфичным. В 1939 году в нем жили 239 тысяч человек. В ходе Второй

мировой войны город практически обезлюдел и впоследствии стал заселяться практически заново. В 1959 году население Минска достигло полумиллиона человек. Масштабная индустриализация и урбанизация привели к тому, что через 30 лет, в 1989 году, в городе жили уже 1607 тысяч человек, а по переписи 2019 года население достигло 2-х миллионов. Такой рост был возможен исключительно за счет внутренней миграции. Это же привело к возникновению феномена «общежития», когда большинство минчан не считали столицу своей малой родиной, не имели чувства локального патриотизма и не ощущали внутренней связи с городским, в т. ч. историческим ландшафтом. Для абсолютного большинства жителей родина находилась где-то за пределами столицы. Историческая аура города, его *genius loci* мало кого интересовали; на первый план выходили потребности комфорта, эффективных транспортных коммуникаций и массового строительства жилья.

Однако затем ситуация начала меняться – выросло уже несколько поколений минчан, стремившихся не только жить в городе, но и ощущать его, знать и сохранять историю, культуру и специфику. Для них город перестал быть общежитием, а его историческая аура приобрела ценность. В ответ на такой запрос часть исторических архитектурных объектов была восстановлена. В 1980-х годах с целью воссоздания облика XIX века была проведена реставрация Троицкого предместья, в 2002–2004 годах – восстановлена минская ратуша, в 2007 году – отстроена (с некоторыми переделками и не совсем на историческом месте) гостиница «Европа» в стиле модерн. В 2000-е годы стали создаваться и проводиться экскурсии, появился ряд монографий и альбомов, посвященных истории города.

Однако вся эта продукция представляет традиционный профессиональный взгляд на историю, т. н. «взгляд сверху», и до настоящего времени мало кто знаком с «низовым» восприятием города. Данная статья направлена как раз на исследование исторического образа

города, который сформировался или формируется у новых поколений минчан. Насколько он отличается от реальной истории города? Какие причины и факторы оказали влияние на его составляющие?

Метод ментального картографирования и его применение

Для изучения современных городских культурных процессов и понимания города как пространства для жизни довольно эффективным методом является составление и анализ «ментальных карт» горожан. Это метод прочно вошел в инструментарий исследователей города, от архитекторов до антропологов, и потому ментальное картографирование было выбрано основным методом данного исследования.

Изучать культуру городского пространства полевыми этнографическими методами довольно сложно. Это обусловлено его динамизмом: даже найти время для длительного глубинного интервью становится проблематичным. В ходе интервью информантам сложно перевести в словесные конструкции свои чувства и тактильность, восприятие пространства, привычные повседневные ощущения и эмоциональные образы. Город воспринимается горожанами как часть рутинного ландшафта, существующего независимо от нас, на котором трудно сосредоточиться и тем более взглянуть на него со стороны.

Один из пионеров урбанистики Кевин Линч отмечал, что «подвижные элементы в городе, и особенно люди и их деятельность, столь же существенны, как и его неподвижные материальные части» [6, с. 15]. Фактически именно Линч ввел в урбанистику метод ментального картографирования, показав все его достоинства на примере изучения Бостона, Джерси и Лос-Анджелеса. Метод ментального картографирования очень подробно изложен Линчем в его знаменитой работе *Образ города*. В 1960–1970-х годах этот метод получил широкое распростра-

нение и был развит: карты воображаемости и когнитивные карты, временные и символические карты, пространственные и последовательные карты [5, с. 40]. Линч также ввел в оборот первую типологию городских объектов – путь, ориентир, граница, район и узел [6]. Анализ ментальных карт, таким образом, превращался в выявление основных и вспомогательных объектов, статистический подсчет их упоминаний, а также выявление взаимосвязей с последующим созданием общей карты города. Другой способ ментального картографирования в своем исследовании Парижа предложил американский социальный психолог Стенли Милграм. Он отказался от составления обобщенной карты города, сосредоточив внимание на то, каким образом информант составляет карту. В этом случае основное внимание уделяется исследованию структур памяти респондента и способов восприятия им городского пространства, его оценки. Позднее появились аналитические инструменты, направленные на стиль выполнения карты, ее структуру и точность [5, с. 42].

Ряд исследователей вообще рассматривает метод ментального картирования как универсальный метод изучения социальных и культурных характеристик физического пространства города [8]. Город выступает прежде всего как культурный ландшафт, наполненный символами, которые можно понять только в рамках норм и представлений той культуры, носителями которой являются его жители. Однако городская культура становится новой формой или локальным вариантом общей «нормативной» культуры. Изучение ее символической части позволяет понять направления и формы развития современного и постмодерного общества. Город в таком разрезе представляется образом, созданным людьми, а не материальной реальностью, существующей объективно и независимо от его жителей [1; 7].

Цель статьи состоит в выявлении устойчивых связей между объектами городского ландшафта Минска, ассоциирующихся с историческим центром города, а также в об-

нарушении нарушений этих связей или, как называл это Кевин Линч, «трудностей формирования образа».

Такая постановка цели позволяет также увидеть исторические параллели с результатами опроса, проведенного в 1987 году кафедрой градостроительства Белорусского политехнического института среди служащих, специалистов, деятелей культуры, ученых и студентов [9, с. 3; 2, с. 160–161].

Для сбора материалов была выбрана тема визуальных представлений об историческом прошлом в городском пространстве Минска. Поэтому основной идеей, предложенной респондентами для визуального воплощения, стала идея исторического центра города. При этом исследование не ставило перед собой задачу отразить именно географическую составляющую или проверить глубину исторических знаний респондентов. Оно было направлено на изучение образов города, сформированных в повседневных практиках людей, на выявление представлений о нем и связи этих представлений с реальностью, а также на выяснение уровня влияния на образы города исторической памяти.

Исследование проводилось среди нескольких возрастных и профессиональных групп: школьников (10 и 11 классы Гимназии № 38 г. Минска), студентов (3 курс и магистранты исторического факультета Белорусского государственного университета), а также взрослых – слушателей курсов повышения квалификации для экскурсоводов Республиканского института высшей школы в Минске (возраст от 25 до более 60 лет). Все респонденты были жителями Минска.

В целом в исследовании приняли участие 98 человек, однако в окончательном подведении итогов использованы материалы 51 респондента¹. Это обусловлено тем, что часть респондентов так и не сдала работы, т. к. не была уверена в своих художественных и картографических способностях (обязательного требования к сдаче материала не было; отказывались в большинстве взрослые). Усло-

вием работы также была ее анонимность, однако часть работ школьников и студентов оказались подписанными, по-видимому, по учебной привычке. В статье все рисунки будут обозначены архивом автора, чтобы соблюсти анонимность.

Исследование проводилось отдельно в каждой возрастной и профессиональной группе. По времени задание длилось 1 час и 20 минут. Все группы выполняли задание в привычной обстановке: в форме занятия в присутствии преподавателя. Это также оказало влияние на процесс, т. к. большинство респондентов воспринимали задание как учебное, выполняемое на оценку. Поэтому приходилось постоянно напоминать им, что это не учебное задание, а исследование, в ходе которого никто не получит плохой оценки.

Ментальные карты рисовались на конкретном занятии, выполнялись «здесь и сейчас» и были ограничены во времени, поэтому такой тип карт можно назвать спонтанными. В результате выполнения задания собирались лишь нарисованные ментальные карты, а также фиксировались отдельные реплики и комментарии респондентов. Специальных интервью или дополнительного обсуждения темы с респондентами не проводилось.

Во время исследования респондентам предлагалось следующее задание: «Нарисовать исторический центр Минска». Задание апеллировало к памяти информантов. Участникам нельзя было пользоваться иными источниками информации, исследователь отказывался от комментариев в процессе выполнения задания, просил информантов не разговаривать друг с другом и не делиться мнениями. Однако периодически ему приходилось вступать в диалог с информантами, когда они стеснялись своих рисунков, заявляли, что не помнят, как выглядит то или иное здание, или же просили помочь оценить их работы еще в ходе выполнения.

В качестве «подложки» для реализации задания информантам был предложен чистый лист бумаги. Свободная тема первоначально

¹ Архив автора.

Рис. 10

Рис. 11

вызывала некоторое недоумение респондентов. Изначально предлагалось ограничение только одним листом размера А4, однако практически сразу от него пришлось отказаться, т. к. некоторые информанты просили второй или даже третий листы.

«Свобода» темы задания в реальности ставляла респондентов искать собственные ограничители темы. По сути, все участники зацепились за слово «исторический», пытаясь осознать его смысл. Так как все группы информантов были в некотором роде связаны историческим контекстом (школьники рисовали карты на уроках истории, студенты учились на историческом факультете, а взрослые экскурсоводы, как правило, работали с историческими маршрутами), то «историческая» составляющая и стала ключевой. Большинство респондентов изображала именно архитектурные памятники как триангуляционные точки, имеющие некую историчность (церкви и костелы (в некоторых случаях синагоги), памятники войны, ратушу) либо общеизвестные городские объекты, которые уже стали частью истории Минска. Такое понимание задания в некоторой степени искажало его результат, однако должно было отразить личное понимание исторического центра Минска.

Стоит отметить, что данное исследование проводилось на протяжении почти двух лет. Как выяснилось, политические события августа – ноября 2020 года оказали заметное влияние на представления информантов. Ряд респондентов в декабре 2020 года указали на своих рисунках новые исторические места Минска – Площадь перемен, а также нанесли новые, политически окрашенные символы на

уже понятные городские места. Так, несколько человек изобразили район площади Свободы и Стеллы у Музея Великой отечественной войны с бело-красно-белыми флагами.

Результаты исследования

Часть респондентов занялась непосредственным картографированием, изначально вписывая пространство исторического центра в общую карту Минска, похожую на геометрию круга. Таким образом срабатывала ассоциация «центр – периферия». Треть респондентов (только среди школьников и студентов) пыталась изобразить подробную карту района исторического центра. Стремление к точному соответствию проявлялось в использовании карандаша и многократной корректировке рисунков с помощью ластика: «Хочу, чтобы было похоже», – нередко звучало в качестве объяснения. Интересно, что тщательная вырисовка исторического центра резко обрывалась в тех местах, где по мнению информантов заканчивались границы района (рис. 1, 2).

Заметное число участников исследования (причем во всех группах) сделало карты исторического Минска XIX – начала XX веков (рис. 4). С одной стороны, это, по-видимому, отражает точное прочтение вопроса об «историческом» центре Минска. С другой, свидетельствует о том, что историческое наследие Минска в настоящее время не репрезентировано глубже XIX века, а сконцентрировано на рубеже XIX–XX веков, формируя у населения образ «российского губернского города».

По ментальным картам респондентов можно составить иерархию наиболее часто встречаемых объектов Минска, т. н. триангуляционных точек или ориентиров. По степени убывания этот список выглядит так:

1. Православный Свято-Духов кафедральный собор (упоминается 14 раз);
2. Ратуша (12 раз);
3. Троицкое предместье (11);
4. Католический Собор Пресвятого имени Пресвятой Девы Марии (10);
5. Отель «Европа» (10);
6. Метро «Октябрьская» (9);
7. Парк Горького (7);
8. Дворец спорта и площадь Победы (6).

Появление в списке указанных на картах объектов станции метро связано, по-видимому, с попыткой привязать карту к общественному транспорту.

Интересно сравнить это с результатами опроса 1987 года. Так, к наиболее часто показываемым гостям столицы респонденты отнесли:

- мост (путепровод) на Немиге, что можно считать эквивалентом 1, 2, 4–5 ориентиров из ментальных карт;
- проспект Ленина – это связывает с ориентирами 6, 7, 8;
- Троицкое предместье, которое также присутствует в списке на ментальных картах;
- Площадь Победы и Парк Горького, которые также совпадают с ориентирами исследования.

Можно с уверенностью говорить о продолжающемся совпадении в триангуляционных точках Минска.

Часть респондентов сосредоточила усилия на визуализации конкретных объектов-ориентиров, с которыми у них ассоциировался исторический центр: Свято-Духов кафедральный собор, костел св. Симона и Алены, Ратуша. Встречаются даже образы памятников войту и «Экипаж губернатора Захария Корнеева» возле Ратуши на площади Свободы (рис. 7, 8, 9).

Интерес вызывают также изображенные жилые дома, что говорит о более сложном

образе исторического центра, выходящем за рамки зданий сакральной и политической архитектуры и выводящем на первый план жилые дома с историческим бэкграундом.

Многие респонденты вместо карт пытались изобразить коллаж из архитектурных объектов (рис. 5). Это может свидетельствовать о размытости представлений об историческом центре. Дополнительными аргументами могут служить изображения Колеса обозрения из парка Горького и Национальной библиотеки. Внимание заслуживает рис. 6, на котором участник исследования прямо проиллюстрировал ментальную сложность отображения исторического центра в виде несопадающих пазлов.

Часть респондентов (из всех групп информантов) придали своим ментальным картам цветное оформление. Это – свидетельство сильной эмоциональной оценки представлений, создания более полного, целостного образа объекта (рис. 10, 11).

В ментальных картах респондентов можно отметить выход за рамки условных границ исторического центра. Как важный ориентир школьники активно отмечали Национальную библиотеку (рис. 12, 13), а представители всех групп изображали площадь Победы (рис. 14, 15). Респонденты опроса 1987 года также выделяли площадь Победы (22 %) [9, с. 4]. Стоит отметить, что в отличие от 1987 года современные информанты практически не отображали Дом-музей I съезда РСДРП, выпавший из поля зрения современной культуры. Несколько респондентов изобразили даже минский нулевой меридиан на Октябрьской площади, по-видимому, включая ассоциацию с «центром» Минска (рис. 16).

Образ исторического центра, как, впрочем, и всего города, гибок и подвержен изменениям во времени, он явно не совпадает у разных социальных групп. Так, например, заметная тенденция к выделению школьниками ориентира Национальной библиотеки в построении ментальных карт «исторический центр Минска» явно имеет связь с активным участием этой социальной группы в обяза-

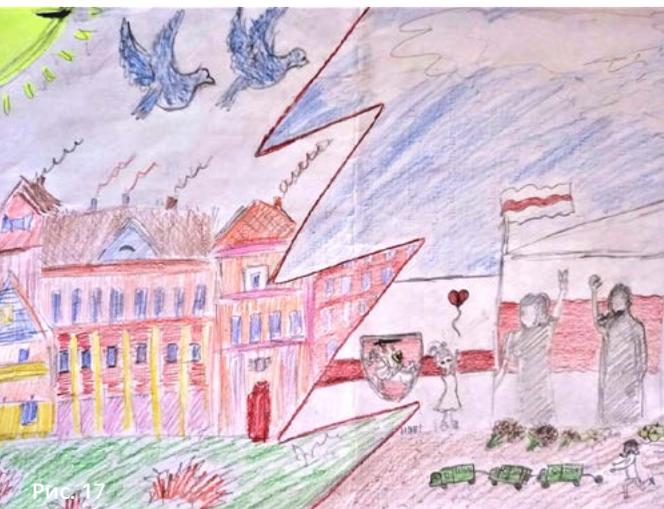

Рис. 17

Рис. 18

тельных экскурсиях туда. Ни студенты, ни экскурсоводы напрямую библиотеку не отметили.

О влиянии современных событий на восприятие города и формировании его образа в сознании (возможно, и в коллективных представлениях) прямо свидетельствуют ментальные карты с изображением БЧБ флагов, а также четкой локализацией событий лета – осени 2020 года в виде серии новых «исторических объектов» Минска – площадь Перемен, Стелла и другие (рис. 17). Стоит также отметить влияние СМИ, прежде всего новых электронных медиа, на формирование этих новых образов истории Минска. Некоторые ментальные карты школьников были фактически прямыми кальками фотографий из телеграм-каналов с мест событий (рис. 18). Это свидетельствует о том, что ментальные карты показывают не столько сложившийся образ города, сколько улавливают опыт восприятия города информантами, участвующими в процессе его постоянного развития [3, с. 7].

Анализ ментальных карт респондентов позволяет говорить об отсутствии у информантов устойчивого образа исторического центра Минска либо о том, что этот образ довольно расплывчатый и не имеет четких географических привязок к конкретным районам или кварталам города. Практически нет образов, выходящих глубиной за рамки XIX века. Здесь Минск и его образ явно проигрывает всем соседним столицам. Однако у большинства респондентов явно прослеживается привязка

образа «исторического центра» к пл. Свободы, пересечению Немиги с проспектом Победителей и Троицкому предместью.

Школьники и взрослые экскурсоводы показали большие расхождения в восприятии исторического центра. Студенты с их образами были где-то посередине. Это связано не только с профессиональной деформацией (специализацией) экскурсоводов, но также обусловлено влиянием современной идеологии белорусского государства, сосредоточившей внимание на современной истории в ущерб историческому процессу. Явно обнаруживается влияние официальной пропаганды через школу – заметен четкий дрейф в XX век и историю Великой Отечественной войны (Национальная библиотека – влияние школьных экскурсий, площадь Победы как образ празднования 9 мая и в целом символ победы в войне).

Также удивительны параллели с результатами опроса 1987 года об образе центра Минска. Авторы исследования упоминали о том, что «результаты исследования исторического центра Минска оказались удручающими. Лишь для 6 % опрошенных центр напоминает о 900-летней истории города. Почти все респонденты считают, что центр кажется «новым» или «скорее новым, чем старым» [9, с. 4]. Результаты опроса 35-летней давности продолжают ощущаться до сих пор, хотя изменения и очевидны, однако их скорость недостаточна!

Рис. 12

Рис. 14

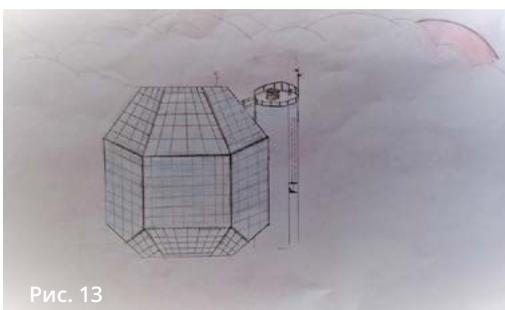

Рис. 13

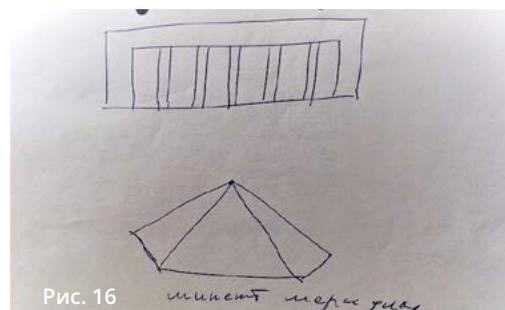

Рис. 16

Рис. 15

Использованная литература

- [1] Безделева, А. Метод ментального картирования в урбанистической антропологии // <http://www.globecsi.ru/Articles/2013/Bezdeleva.pdf> (09.10.2021).
- [2] Бон, Т. «Мінскі феномен». Градское планаванне і ўрбанізацыя ў Савецкім Саюзе пасля 1945 г. Мінск, 2016. 436 с.
- [3] Веселкова, Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. №31. С. 5–30.
- [4] Глазков, К. П. Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 117. 2013 // <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1523> (24.04.2015).
- [5] Глазков, К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
- [6] Линч, К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
- [7] Милграм, С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
- [8] Орлова, А. А. Ментальные карты города: методологические проблемы сбора, анализа и интерпретации данных // Общественные науки: вопросы и тенденции развития / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Красноярск, 2014 // <https://izron.ru/articles/obshchestvennyye-nauki-voprosy-i-tendentsii-razvitiya-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodn/sektsiya-14-teoriya-istoriya-i-metodologiya-sotsiologii-spetsialnost-22-00-01/mentalnye-karty-goroda-metodologicheskie-problemy-sbora-analiza-i-interpretatsii-dannykh/> (09.10.2021).
- [9] Хачатрянц, К. К., Рондель, И. Р. Образ центра – образ города. Социально-архитектурные исследования репрезентативности центра Минска // Строительство и архитектура Белоруссии. 1988. № 4. С. 3–5.
- [10] Исторический центр Минска (Википедия) // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80_%D0%9C%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0 (07.10.2021).